

ЧТО НИ ГОВОРИТЕ, а в репертуаре любого театра многих зрителей привлекают комедии. Одних — веселые, легкие развлекательные, других — тонко распутовавшие сложные нравственные проблемы, третьих — сатирические и гротесковые, поднимющие важные социальные темы. И на хладный вкус, пожалуй, найдутся спектакли в Камчатском областном ордена Дружбы народов драматическом театре. Иркутские зрители охотно идут и на французскую, итальянскую комедию в прозе, и на русскую классику, и на современный гротеск. Смотрят, смеются...

женье в него новых буржуазных начал. При этом шучего смешней, пожалуй, не придумано в русской классике, чем переувеличенный гротескливый жених Подколосин, его напористый и нахальный друг Кочкарев дуракий, по с большим претензиям Агафия Тихонова, разбитая сваха Фекла, умещающая приспособиться к любым условиям, и окружении нестрого парящая комических типов — Яничини, Желвакина, Алуцкича... Сколько создано прекрасных и сильных спектаклей за полутора столетнюю историю бессмертной комедии русского гения! И каждый, при всей верности автору, был не похож на другой.

формы сплываются одна за другой, смешиваются самые разные стили и приемы.

Измененный и инфантильный Подколосин напоминает больше обитателя парижских салонов. В. Новиков рисует его наивным птеном с полным отсутствием реальных представлений о жизни, что никак не совпадает со сложившимся представлением об умудренном холостеи, слишком насмотревшемся неудачных женитб, чтоб решиться на собственную. Но чего не исполнишь под эгиду юности, что модного шлягера! Тем более, что со временем на сцене появляются вместо реальной горничной Дуниши некий неземной образ — не то самой мелодии, не то музыки автора, Или постановщица! В белом современном балетном платье,

ПЬЕСА А. КОЗЛОВСКОГО «Эффект Редкина» по своей остроте близка гоголевской школе, хотя не блещет дигературными совершенствами. Это-то и должно было нацелить театр на более взыскательное отношение к ее постановке. Герой комедии — «сегодняшний Панаунка-дурачок из сегодняшнего ПТУ, работающий на сегодняшнем заводе, как подчеркнул драматург А. Мингарин в предисловии к пьесе написанной альманахом «Современная драматургия», «вописан в гротесковую среду сегодняшних неурядиц, пришедшей демагогии», «заплатированной» безхозьветности.

заумова. Однако примитивная форма постановки, грубая фарсовость приемов, фальшивый наигрыш балаганного представления переводят спектакль на рельсы той самой демагогии, с которой призывает пьеса бороться в реальной жизни.

К примеру, исполнитель трех ролей, небрежно объявляемых театром в одну строку «директор, брызг, редактор» зяел, арт. РСФСР В. Прохоров успевает только менять парники — степени же человеческой правды не следна на нет. Мы видим знающие маки из карикатуры «Крокодила», и магия театра отступлет на задний план. Сочувствую тем, кому довелось видеть этого прекрасного исполнителя только в «Эффекте Редкина». В тот же вечер на малой сцене Дома актера В. Прохоров бичевало ошеломил зрителей своей блистательной работой в спектакле по пьесе английского драматурга Г. Мингара «Сторон». Как, впрочем, и сам режиссер Ю. Пегребинов, и артист Л. Д. Куличевский. Как будто мы побывали совсем в другом театре, где знают цену истинной правде характеров, умеют самозабвенно жить на сцене жизнью своих сложных, неоднозначных героев.

Если бы с тем же выражением театр отнесся к постановке пьесы нашего современника, он бы не перепутал имени персонажей в программке, не стал бы произвольно приписывать каждому герою «первый посетитель», «второй посетитель» и т. д., явно намекая на пьесу В. Даворнича «Последний посетитель», поднимавшую в серьезной форме те же проблемы. Все это окончательно запутывает и сбивает с толку зрителя, заставляя его, в лучшем случае, бездумно похотывать над всем подряд. И хочется спросить словами Гоголя: «Над кем смеетесь, господа? Тут недалеко и до откровения цезаризма — той крайности, которая приносит обратные результаты, особенно в постановке социальной комедии.

Время больших перемен, что наступило в нашей жизни, открывает, безусловно, большие возможности и перед театром. Ему на помощь спешат драматурги со свежими искренними пьесами, сами зрители, доброжелательно встречающие каждое новое слово. Ответственность театра заключается в том, чтобы умно и точно использовать эти возможности в воодушевлении на человеческие души, решительно избегать демагогии, приема массовой псевдокультуры. Чтобы, по словам того же Гоголя, оставаться «кафедрой», с которой можно много сказать миру добра».

И. ДУБОВЦЕВА.

СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...

Смех, как известно, — оружие острое и сильное, он может разнять поповал погнетей зла и пороков, а может и увести зрителя в сторону противоположную — к бездумности и ленизму. А потому комедия особенно нуждается в точном прочтении авторской мысли, в глубоком анализе конфликтов и характеров, в серьезном и вдумчивом подходе к сценическому решению. И какой бы жанр ни выбрал в ее постановке театр, он многого добьется, если возьмет за основу правду жизни и правду человеческого характера, если сердца исполнителей и зрителей будут настроены на один волну.

Вот две комедии: одна написана в тридцатых годах прошлого века и принадлежит перу великого Гоголя, другая — пишущей машинке молодого советского драматурга А. Козловского. «Женитба» и «Эффект Редкина». Их роднит стремление высмеять зло и пороки, добиться того, чтобы сами зрители, исходя из действия комедии, вынесли приговор отрицательному, утвердившись в здоровых нравственных принципах. Есть определенный смысл говорить о них вместе, ибо «гоголевская школа», которая, как отмечали критики прошлого, затянулась на длительный период, можно сказать, продолжается и сегодня.

Конечно, «Женитба» в социальном смысле — не то, что «Ревизор». Однако с нашей исторической дистанции, как это сделал когда-то Анатолий Эфрос в своей постановке, и в ней возможно сконцентрировать «всего Гоголя», все, что вскрыл и высмеял он в русском обществе своего времени. При всей конкретности событий и действия, определенности характеров комедия представляет собой острую социальную сатиру, раскрывающую пустоту и моральное ничтожество современного автору дворянского общества, втор-

отичаясь новыми границами и оттенками, блещая человеческими индивидуальностями, здоровым смехом, очищающим душу, утверждающим народные нравственные критерии.

Отличительные черты характера произведений г. Гоголя, отмечал Веллиский, суть простота вымысла, совершенная истина жизни, шарлотка, оригинальность... Это юмор чисто русский, спокойный, простодушный, спокойный в самом своем негодованием, добродушный в самом своем лукавстве». Казалось бы, сколько неинного заложено уже в этом определении «правил игры» с комедиями Гоголя. Самый прихотливый интерпретатор-режиссер без риска для содержания пойдет здесь возможности для «всего современного прочтения. И есть ли большие удовольствия для истинного поклонника Гоголя, преданного рыцаря театра?

СПЕКТАКЛЬ главного режиссера Камчатского театра Ю. Пегребиновича — попытка решить «Женитбу» как трагикомедию, в которой дожде подвергнувшись осмеянию герои превращаются вдруг в страдательные фигуры, попавшие в круг неких мистических сил, играющих их судьбой и жизнью.

Начнем с того, что спектакль открывается немой сценой — где-то на заднем плане в белый роуль опускается не то человека, не то труп и гулко закатывают его. К чему бы это? — целуемая зритель, который успел рассмотреть таинственную процедуру. Большинство же одна ли разглядело, что там происходит, как задний тут же опустился, и на фоне мелодии... современного модного французского композитора Ф. Ля «История любви» начинается спектакль Н. В. Гоголя «Женитба». Само это сочетание уже вызывает недоумение и диссонанс в образных представлениях зрителей, а режиссерские мета-

молчаливая и загадочная, она невольно сиюминут между реальными персонажами, оболванивая их своими чарами. Образ, конечно, интригующий, но зачем он понадобился создателям спектакля, остается тайной загадочной, как и заночлачивание человека в белый роуль.

Сознание зрителя раздваивается и в прямом смысле расстраивается, когда ворвавшийся и Подколосину Кочкарев (И. Зайцев) на глазах изумленной публики изживает зависть, разнообразие фокусы, втягивая своего друга в некий мистический круг, впрочем, в петлю женитбы, из которой он не может вырваться сам.

Говорят, нынче элентика в моде и считается стилем. Но трудно примириться с утверждением, что мы видим как бы два спектакля одновременно. В одном — вслед за блистательным и зажигательным исполнением роли свахи народной артисткой РСФСР Г. Астраханчиной вполне традиционная и более или менее по-гоголевски убедительная существование женихи Яничини — Л. Кулиновский, Желвакин — А. Кузнецов, Анучинин — В. Савельев. В другом — невнятные метафоры режиссера, делающие Подколосина жертвой невидимого рока, Кочкарева — злым и коварным демоном с агафией Тихонова мы видим дулоноса-ребенком, не ведущим творит, когда действуя для наглядности опасной бритвой, мечтает: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича... Столь же инфантильный и мелодраматичный, как и красавец Подколосин, она в финале спектакля застывшей статуэткой надолго остается сидеть на столе под все еще звучащую музыку утраченных иллюзий.

А простодушный зритель недоумою вопрошает: где же тут «Женитба» Гоголя? Не боясь показаться отсталыми, мы, пожалуй, присоединимся к этому вопросу, ибо не увидели и не узнали блистательной комедии любимого отечественного классика, его таких живых и определенных героев, не увидели его раскатистого, очищающего смеха. На спектакле лежит печать потуги оболоть его в модную шлягерную оболочку. Но жиной и яркий организм русской классики трудно упрятать в чуждую ему форму.

Иван Редкин — рядовой рабочий паренек взмечтал одним махом, «если все разом, если каждый винтик в дело, каждое зернышко в закрома, если не пить до но поляна не перекуривать, если каждую минуту с пользой... Что же тогда получится?» «Коммунизм получится». — радуется его невеста Маша. Во всяком случае, ликвидировать за год недостатки и добиться изобилия — это получится, — твердо убежден наш неунывающий герой. Его оптимизм и энтузиазм становится сильными положительными задумками. Однако бюрократы и бездельники, трусы и пустомели не дали Ване постройте за один год прекрасное будущее в масштабе своего города. И пока Ваяя добивается приземом в Москве, его земляки возлагли ему музей при жизни, определив ему место экспоната.

Вот тут-то и зазвучать бы в гротеске сильной драматической ноте, податься до очищающего трагикомического пафоса. Вся логика театра требует именно такого серьезного воздействия на зрителя. Однако мы видим на сцене легкий гротеск, некий музыкальный дубок «а ля рус», с перепелами да перепеласями, вставными дивертиссентами, побасенками и фельетонами, раздвояниями западных «герлз». Впрочем, все это уже было, и куда удачней, на столыных сценах в на более подходящем материале.

Судя по главному герою, которого артист И. Артемов старается играть мягким и естественным, даже застывшим, спектакль был задуман режиссером В. Зверовичиным, как правдивая история вполне реального и земного человека, который сталкивается с реальными людьми, и жиной готов отдать, чтобы убедить окружающих в том, что общий успех зависит от каждого из них. Столь же мягко и проникновенно играет его невесту, а потом жену Машу С. Ав-